

(1) Вот уже три года, как его незаслуженно оклеветали и лишили работы, Иван Семенюта живёт дикой, болезненной и страшной жизнью. (2) Он ютится в полутёмном подвале, где снимает самый сырой и холодный угол. (3) Чем существует Семенюта, – он и сам не скажет. (4) Он не брит, не стрижен, волосы торчат у него на голове, точно взерошенное сено, бледное лицо опухло нездоровой подвальной одутловатостью, сапоги просят каши.

(5) Но есть четыре дня в году, когда он старается встряхнуться и изменить свой запущенный вид. (6) Это на Новый год, на Пасху, на Троицу и на тринадцатое августа. (7) Накануне этих дней он путём многих усилий и унижений достаёт пятнадцать копеек – пять копеек на баню, пять на цирюльника и пять копеек на плитку шоколада или на апельсин.

(8) И вот, начистив до зеркального блеска сапоги, замазав в них дыры чернилами, тщательно обрезаю снизу брюк бахрому, надев бумажный воротничок с манишкой и красный галстук, которые обыкновенно хранятся у него целый год завернутыми в газетную бумагу, Семенюта тянется через весь город во вдовый дом с визитом к матери. (9) Обыкновенно он норовит попасть к вечеру, когда не так заметны недостатки его костюма.

(10) Мать, завидев родного сына, быстро встаёт, подымая очки на лоб. (11) Клубок шерсти падает на пол и катится, распутывая петли вязанья.

– (12) Ванёчек! (13) Милый! (14) Ждала, ждала, думала, так и не дождусь моего ясного сокола. (15) Вид у тебя неважный, Ванёк, – говорит старушка и сухой жёсткой рукой гладит руку сына, лежащую на столе. – (16) Побледнел ты, усталый какой-то.

– (17) Что поделаешь, маман! (18) Служба. (19) Я теперь, можно сказать, на виду. (20) Мелкая сошка, а вся канцелярия на мне. (21) Работаю как вол. (22) Согласитесь, маман, надо же карьеру делать? – и вручает ей апельсин.

– (23) Не утомляйся уж очень-то, Ванюша.

– (24) Ничего, маман, я двужильный. (25) Зато на Пасху получу коллежского, и прибавку, и наградные. (26) И тогда кончено ваше здешнее прозябание. (27) Сниму квартиру и перевезу вас к себе. (28) И будет у нас не житьё, а рай. (29) Я на службу, вы – хозяйка.

(30) Этот робкий, забитый жизнью человек всегда во время коротких и редких визитов к матери держится развязного, независимого тона, бессознательно подражая тем светским «прикомандированным» шалопаям, которых он в прежнее время видел в канцелярии. (31) Отсюда и дурацкое слово «маман». (32) Он всегда звал мать и теперь мысленно называет «мамой», «мамусенькой», «мамочкой», и всегда на «ты».

(33) Семенюта призывает на помощь всё своё вдохновение и начинает врать развязно и небрежно. (34) Правда, иногда он противоречит тому, что говорил в прошлый визит. (35) Всё равно, он этого не замечает. (36) Замечает мать, но она молчит. (37) Только её старческие глаза становятся всё печальнее и пытливей.

(38) Служба идёт прекрасно. (39) Начальство ценит Семенюту, товарищи любят...

(40) И он говорит, говорит без конца, разжигаясь собственной фантазией, а мать смотрит на него, замороженная волшебной сказкой.

(41) Наступает время, когда надо уходить. (42) Мать хочет проводить сына в переднюю, но он отклоняет эту любезность.

– (43) Ну, что, в самом деле, маман. (44) Дальние проводы – лишние слёзы. (45) И простудитесь ещё, чего доброго. (46) Берегите себя!

(47) ...Когда же судьба покажет Семенюте не свирепое, а милостивое лицо? (48) И покажет ли? (49) Я думаю – да. (50) И будет жить Семенюта вместе со своей мамашей ещё очень долго, будет с ней жить в тихом, скромном и тёплом уюте. (51) Но никогда старушка не намекнёт на то, что она знала о его обмане, а он никогда не проговорится о том, что он знал, что она знает. (52) Это острое место всегда будет осторожно обходиться. (53) Святая ложь – это такой трепетный и стыдливый цветок, который увядает от прикосновения.

(По А. И. Куприну*)

*Александр Иванович Куприн (1870–1938) – русский писатель, автор многочисленных рассказов и повестей.

Из предложений 1–5 выпишите фразеологизм.